

Лобан М.Г. (Мозырь, Беларусь)

**ДИФФЕРЕНЦИРОВАНИЕ
АСПЕКТОВ ИЗУЧЕНИЯ СЮЖЕТА МАЛОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
(на материале рассказов Л.Е. Улицкой)**

В современной литературоведческой науке сюжет рассматривается как видовое свойство искусства слова. Данная категория чаще всего попадает в поле зрения исследователей, так как «это – художественно-конструктивный элемент произведения, точнее, по мнению Л.М. Цилевич, – его внутренней формы, находящийся в отношениях диалектической взаимосвязи, взаимоперехода с темой – элементом содержания и художественной речью – внешней формой» [1, с. 4]. Сюжетно-событийная основа художественного произведения легче всего поддается расшифровке, поэтому читатель без труда в самых общих чертах выделяет сюжетные элементы. Трудности вызывают большие по объему поэтические тексты, в которых намечается несколько сюжетных линий.

Чтобы добиться полной объективности в исследовании даже самых малых художественных жанров (рассказ, эссе, очерк, басня) сюжетология выработала два подхода к исследованию:

1. сюжет как элемент творческого процесса;
2. сюжет как результат творческого процесса.

Дифференцируя эти два аспекта, филолог сможет, с одной стороны, выявить биографический контекст произведения, проследить, как жизненный материал был переработан писателем. С другой стороны, исследовать сюжетостроение с точки зрения «динамики действия, развертывающегося в художественном времени и пространстве» [1, с. 6].

Умело найденный сюжет для рассказа позволяет автору нарисовать необычные события и характеры, найти новый ракурс давно освещенных тем. Л. Е. Улицкая, современная писательница, создатель «интеллектуального чтива» малой эпической формы, в одном из своих последних интервью заметила: *«Жизнь полна сюжетов – простых, иногда до пошлости, и очень заковыристых. А теперь книги выходят, и критики строят свои предположения, как я эволюционирую или деградирую... А я просто живу и делаю исключительно то, что мне интересно»* [2, с. 1].

Делясь своими дальнейшими планами, писательница искренне замечает: *«Сейчас вот пишу маленькие рассказы. Это самое лучшее из всех занятий, которые бывают возле компьютера. Не получается, отодвинул, и живи себе дальше. А вот когда не получается роман, ты вступаешь с ним в длинную и неравную борьбу, совершенно без гарантии, что выйдешь победителем.... Я делала в жизни резкие повороты и готова начинать заново. Это и есть перспектива: что жизнь подвижна, изменчива, предлагает каждый день новые задания и уроки. В краткосрочной перспективе – хотелось бы к осени закончить книгу маленьких и совсем маленьких рассказов. Сюжетов – как голодных котов на помойке. И все они давно записаны. Новый сюжет – страшно редкое литературное событие. Меня же гораздо больше увлекает построение характеров»* [3, с. 2].

Секрет популярности ее малого эпоса современная критика объясняет способностью автора *«выписывать с особой тщательностью... тончайшие проявления человеческой природы»* [4, с. 1]. Сама Людмила Улицкая так определяет писательскую стратегию в период работы над рассказами: *«Я отношусь к породе писателей, которые главным образом отталкиваются от жизни. Я писатель не конструирующий, а живущий. Не выстраиваю себе жёсткую схему, которую потом прописываю, а проживаю произведения. Иногда не получается, потому что выхожу совсем не туда, куда хотелось бы. Такой у меня способ жизни»* [4, с. 1].

Думается, что выбор литературного материала, необходимого для творческого воплощения в сборнике рассказов Л.Е. Улицкой «Детство – 49», был подсказан самой жизнью (**первый аспект –**

стадия просюжета). Людмила Улицкая родилась 21 февраля 1943 года в Башкирии, поэтому сама не понаслышке знает, что такое эвакуация, репрессии родных. Тот, кто жил в послевоенные годы, хорошо помнит и голод, и холод, но больше всего он ценит человеческое участие и сострадание. Красной нитью всех «послевоенных рассказов» проходит тема толерантности («Капустное чудо», «Восковая уточка», «Дед-шептун»). По мнению автора, даже в таких сложных обстоятельствах люди должны оставаться людьми: *«Как нас учили во времена молодости: что первично, что вторично? Бытие или сознание? История или герой? Не знаю. Должна произойти встреча человека и его истории. Тогда все получается»* [5, с. 1].

Автор добивается сюжетно-композиционного единства, умело сочетая такие элементы сюжета, как *событие и ситуация*. Именно в них раскрывается внутренний мир героев, проявляются их характеры (*второй аспект анализа*). Так, в рассказе «Капустное чудо» автор описывает судьбы двух девочек-сирот, старшей Дуси и младшей Ольги, которых зимним вечером привезли в дом старухи Ипатьевой: *«Они приходились внучками её недавно умершей сестре и были сиротами: отец погиб на фронте, а мать умерла годом позже. И соседка привезла их к Слонихе – ближе родни у них не было. Ипатьева оставила их у себя, но без большой радости. Наутро, разогревая на плите кашу, она бормотала: привезли, мол, на мою голову...»* [6, с. 146].

Внезапные повороты в судьбе персонажей активно двигают сюжет от завязки к развязке: *«Первую неделю девочки молчали. Казалось, что они не разговаривают даже между собой, только шуршат, почесывают головы, Старуха тоже молчала, ни о чем не спрашивала и все думала большую думу: оставлять их при себе или сдать в детдом. В субботу...»* [6, с. 147].

Остросюжетность создается описанием не героических личностей и их поступков, а воссозданием жизненных, бытовых событий (коллизий) и их необычным разрешением. Огромную роль в рассказе играют перипетии (неожиданные повороты в судьбе героев), которые приобретают в рамках малой эпической прозы философский смысл: *«В субботу она взяла таз, чистое белье и девочек, волосы которых были заранее намазаны керосином, и повела их на Селезнёвку в баню. После бани Ипатьева впервые уложила их спать на свою кровать. До этого они спали в углу, на матрасе. Девочки быстро заснули, а Ипатьева еще долго сидела со своей подружкой Кротовой. Выпив чаю, она сказала: «Господь с ними, пусть живут. Может, неспроста они ко мне на старости лет пристали»* [6, с. 147]. Девочки тут же почувствовали, что их судьба решена: они заговорили между собой, а потом и со старухой, которую стали звать бабой Таней.

Поддержать интерес к разворачивающемуся действию помогает еще один авторский прием: использование эпизодов-неожиданностей, в которых раскрываются характеры главных героинь. Старуха Ипатьева послала Дуню с Олей купить капусты – нужно делать запасы на зиму. В ожидании машины с товаром девочки долго мёрзли в очереди, потом терпеливо ждали и пропускали к прилавку «всех стоявших ранее», безропотно перенесли и время обеда: *«Им в голову не приходило уйти без капусты»* [6, с. 149]. *«Вернулась продавщица. Отпустила капусту тетке впереди девочек, и Дуська вытащила из кармана заветную трубочку. Развернула её – вместо десятки это была картинка с японцем. Она пошарила в кармане, ничего в нем больше не было. Её охватил ужас. «Тетька! Я деньги потеряла! – закричала она. – По дороге потеряла! Я не нарочно!»* [6, с. 150].

Динамизм в развертывании сюжета создается с помощью форсирования одной художественной детали: *«Старшая из девочек, шестилетняя Дуся, мяла в кармане замызганную десятку. Эту десятку дала Дусе старуха Ипатьева, у которой девочки жили почти год... В дырявом кармане Дусиного пальто, кроме **десятки**, лежала и картинка из журнала с нарисованным желтым зубастым японцем, замахнувшимся кривым ножом на кусок географической карты ... Вернулась продавщица. Отпустила капусту тётке впереди девочек, и Дуська вытащила из кармана заветную трубочку, развернув её – **вместо десятки** это была картинка с японцем. Она пошарила в кармане, ничего в нем больше не было. Её охватил ужас»* [6, с. 145–150].

Мотив случайностей продолжает реализоваться и в описании образа Ипатьевой: старуха волнуется за своих приемышей, глотая слёзы, она называет девочек *«золотыми»*, *«ласковыми»*. Внешне суровая, всегда сдержанная на похвалу, баба Таня только теперь осознает значимость детей в её судьбе: есть ради кого жить, ради кого работать. Финальная сцена восстанавливает гармонию в отношениях между героинями. Девочки принесли капусту домой и выполнили бабушкин заказ.

Заглавие рассказа Л. Улицкой «Капустное чудо», задающее сюжетную перспективу всему повествованию, выполняет еще одну функцию. Автор пытается соединить назидательность и «духовную пользу» с внешней занимательностью. Произошло чудо: грузовик на всем ходу сбросил два кочана капусты к ногам отчаявшихся девочек (1), дети поверили в волшебство и гуманность окружающего мира (2), произошло внутреннее перерождение старухи Ипатьевой (3).

Таким образом, дифференцирование аспектов анализа малой эпической прозы – один из эффективных приемов, позволяющих выявить ряд содержательных функций сюжета (охарактеризовать связи человека с его окружением; обнаружить и напрямую воссоздать жизненные противоречия (конфликты); очертить поле действия для персонажей).

Литература

1. Цилевич, Л.М. Об аспектах исследования сюжета // Вопросы сюжетосложения: сборник статей Л.М. Цилевич [и др.] / под ред Л.М. Цилевич. – Рига : Звайгзне, 1978. – С. 3–11.
2. Шигарёва, Ю. Принцип Улицкой: без трупов и уныния. Умение страдать [Электронный ресурс] / Ю. Шигарёва. – Режим доступа: <http://www.ulicka.ru/content/view/1281/>. – Дата доступа: 10.04.2011.
3. Кучерская, М. Роман меня напишет [Электронный ресурс] / М. Кучерская. – Режим доступа: <http://www.ulicka.ru/content/view/1280/>. – Дата доступа: 10.04.2011.
4. Улицкая, Людмила // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 10.04.2011.
5. Светова, З. Моими учителями были генетики [Электронный ресурс] / З. Светова. – Режим доступа: <http://www.ulicka.ru/content/view/1284/>. – Дата доступа: 10.04.2011.
6. Улицкая, Л.Е. Детство – 49 / Л.Е. Улицкая // Истории про зверей и людей / Л.Е. Улицкая. – М.: Эксмо, 2009. – С. 143–200.

МГПУ им. И.П.Шамякина